

**НИКОЛАЙ
ЧИСТЯКОВ**

ТАЙНЫЕ Трибуналы КГБ

**ЛОВЛЯ
«КРОТОВ»**

Высшая школа КГБ. Профессиональные секреты

Николай Чистяков

**Тайные трибуналы
КГБ. Ловля «кротов»**

«Алисторус»

2011

Чистяков Н. Ф.

Тайные трибуналы КГБ. Ловля «кротов» / Н. Ф. Чистяков — «Алисторус», 2011 — (Высшая школа КГБ. Профессиональные секреты)

11 мая 1963 года Военной коллегией Верховного суда СССР был признан виновным в измене Родине и приговорен к расстрелу сотрудник ГРУ О. Пеньковский. Уже через пять дней приговор был приведен в исполнение. История с изменником Пеньковским стала «хрестоматийной». Ведь она произошла в годы чрезвычайно опасного противостояния между Советским Союзом и США вкупе с их партнерами по НАТО. Мир, освоивший ядерное оружие, как никогда в своей истории, был близок к самоуничтожению. В тех условиях цена измены и шпионажа, деятельности «кротов» в спецслужбах была необычайно высока. Автор этого издания в 1958–1964 годы работал начальником следственного отдела КГБ СССР. А это значит, что не только о деле Пеньковского, но и обо всех других особо взрывоопасных событиях тех лет (включая случай с американским летчиком-шпионом Пауэрсом) генерал-лейтенант юстиции Н.Ф. Чистяков знал отнюдь не понаслышке. Его книга – весьма ценный источник разнообразной информации, касающейся основных обстоятельств эпохи «оттепелей» и «заморозков», идейно-политических шарханий и многочисленных предательств, «строительства коммунизма» и демонстрации «волюнтаризма». И самой напряженной – зримой и незримой – борьбы, которую непрерывно вели разведки и контрразведки главных геополитических противников.

© Чистяков Н. Ф., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Часть первая	6
След «крота»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Федорович Чистяков

Ловля «кротов». Тайные трибуналы КГБ

Часть первая

На фронтах холодной войны

След «крота»

Давно собирался я побывать в родных местах, сходить на могилу мамы, навестить родственников, подышать смолистым сосновым запахом любимых с детских лет лесов, однако по разным причинам поездка откладывалась со дня на день. Но вот в делах наконец образовалось «окно», и руководство разрешило мне отпуск.

В последний день перед отъездом, завершив текущие дела и отдав необходимые распоряжения, я уже собирался пригласить в кабинет заместителя и переговорить с ним по вопросам, которые предстояло ему решать в мое отсутствие. И я уже собирался вызвать его, но в это время раздался телефонный звонок. Один из сотрудников соседнего отдела Комитета государственной безопасности просил принять его по неотложному и очень важному делу. Во время разговора у меня мелькнула мысль направить оперативного работника к заместителю. Ведь у меня, как говорят, было уже «чемоданное настроение». Но по взволнованному голосу звонившего я понял, что случилось что-то чрезвычайно серьезное, и сказал, что ожидаю его.

– Мы имеем данные, – начал свой рассказ чекист, опустившись в предложенное кресло, – что один из сотрудников Государственного комитета при Совете Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, бывший полковник Советской армии Пеньковский Олег Владимирович, занимается шпионажем. Его необходимо немедленно арестовать.

– Какими материалами вы располагаете? – спросил я.

– У нас имеются достоверные сведения о том, что Пеньковский связан с некоторыми иностранными гражданами, и в частности с подданным Великобритании коммерсантом и бизнесменом Винном.

– А что из себя представляет Пеньковский? Что он за человек?

– Официально по работе он характеризуется положительно. Но этот человек умеет маскироваться. До прихода в Комитет один из его начальников характеризовал Пеньковского как карьериста, человека завистливого и нечестного. Живет он на широкую ногу, постоянно посещает рестораны, много пьет.

Ознакомившись с представленными материалами, я сказал оперативному работнику:

– Материалы ваши чрезвычайно важны, но для ареста и изобличения Пеньковского в преступных действиях их маловато. Надо полагать, что Пеньковский неглупый человек и его, как говорится, голыми руками не возьмешь. Рассчитывать на признание им вины без достаточных улик – мечта несбыточная. Нельзя ли попытаться поймать его с поличным? Ведь если он связан с иностранцами и передает им какую-то информацию, значит, он ее где-то добывает. Я бы вам посоветовал не спешить с арестом, а понаблюдать за ним и схватить за руку. Попробуйте.

– Ну что ж, попробуем, – ответил контрразведчик.

Оставшись один, я задумался. Материалы, с которыми меня ознакомил оперативный работник, давали все основания подозревать Пеньковского в преступной деятельности, но

меня неотступно преследовала и другая мысль: неужели такой ответственный работник Государственного комитета, обеспеченный человек, бывший полковник, фронтовик, мог изменить Родине? Подобных дел в моей практике никогда не было. Не слышал я о таких делах и раньше. Правда, у нас находились в производстве дела на изменников Родины – предателей, совершивших свои гнусные преступления в годы Великой Отечественной войны. Но совершить такое преступление в наши дни? Как-то не хотелось верить. Может быть, произошла ошибка? Вряд ли. Ведь это было время, когда мы, чекисты, вынуждены были исправлять ошибки и перегибы прошлых лет, опирались в своей работе на поддержку широких масс трудящихся. Мы, как саперы, установили железный принцип: чекист не ошибается, он должен действовать наверняка. Как и все советские люди, мы активно поддерживали борьбу партии с злоупотреблениями и нарушениями законности, имевшими место в условиях культа личности.

Неправильно было бы думать, что в нарушениях законности повинен каждый человек, носивший в годы культа личности форму чекиста. Подавляющее большинство работников органов госбезопасности не были причастны к нарушениям конституционных принципов и фальсификациям уголовных дел. Они честно служили своей Родине, бдительно охраняли наш социалистический строй от посягательств разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и отдельных отщепенцев – изменников Родины и предателей из числа советских граждан, попавших в сети вражеских спецслужб.

Исправляя ошибки прошлого, органы госбезопасности самым строгим образом пресекали любые проявления нарушений законности, очищались от тех, кто не в состоянии был объективно разобраться в людях и проявлял предвзятость при решении судьбы человека...

Между тем сообщение о Пеньковском не выходило у меня из головы. А как же быть с отпуском? Нет, уезжать ни в коем случае нельзя. Доложил заместителю Председателя Комитета о полученных материалах на Пеньковского и своим решением повременить с его арестом. Генерал согласился со мной.

Прошло несколько дней. Оперативные работники сумели собрать дополнительные и весьма важные данные, проливающие свет на преступную деятельность Пеньковского.

В частности, было установлено, что он носит домой секретные материалы. В эти же дни Пеньковский имел ряд встреч с работниками посольств Великобритании и США в Москве, с которыми по делам службы не был связан. Настало время принимать решение о его задержании. К тому же стало известно, что Пеньковского собираются направить вграничную командировку, из которой он мог и не вернуться.

Производство расследования дела Пеньковского я поручил старшему следователю по особо важным делам – одному из старейших и опытейших следователей отдела подполковнику Александру Васильевичу. В его послужном списке – ряд особо важных и сложных дел, с которыми он успешно справился. Но в те дни у него в производстве не было ничего серьезного – одно не представляющее большой сложности уголовное дело. Я вызвал следователя к себе.

– Александр Васильевич, как вы смотрите на то, чтобы заняться делом изменника Родины Пеньковского? – И я рассказал все, что было известно из оперативных материалов об обстоятельствах совершенного преступления.

– Я с большим желанием взялся бы за расследование этого преступления. Таких дел я не вел давно, – внимательно выслушав меня, сказал следователь.

– Ну и прекрасно. Идите сейчас к оперативным работникам, тщательно изучите все материалы. Если убедитесь, что их достаточно, выносите постановление о возбуждении уголовного дела и принимайте его к своему производству. Если будет необходимо, подключим к делу еще кого-либо из следователей...

Александр Васильевич вскоре ознакомил меня с планом неотложных следственных действий, составленным вместе с оперативными работниками. Пеньковского надо было задержать и немедленно произвести у него на квартире обыск, который, как это вытекало из оперативных

материалов, должен был дать важные доказательства его преступной деятельности. Но у себя на службе Пеньковский человек заметный. Нельзя было допустить, чтобы о его аресте кто-либо узнал. Всякий шум вокруг Пеньковского мог серьезно повредить следствию, разоблачению Пеньковского и его сообщников, о которых мы еще знали слишком мало. Поэтому о задуманной операции поставили в известность лишь непосредственного начальника Пеньковского.

22 октября 1962 года Пеньковского доставили в Комитет государственной безопасности. В это же время старший следователь по особо важным делам, принявший дело к своему производству, направил на квартиру Пеньковского для производства обыска другого следователя – Евгения Васильевича, подключенного ему в помощь. Жене Пеньковского было сообщено о задержании ее мужа. В первые минуты она ничего не могла понять. Как? Ее муж совершил преступление? Не может быть!

– Да, ваш муж подозревается в совершении опасного преступления. Мы занимаемся расследованием его дела. К вам у нас большая просьба: будьте благоразумны и о его аресте никому ни слова. Это очень важно, – заявил жене Пеньковского Евгений Васильевич.

Жена Пеньковского – честная советская женщина. Живя с Пеньковским, ей пришлось хлебнуть немало горя, унижений со стороны мужа. Она поверила чекистам и пообещала делать так, как ей было сказано.

Обыск дал поразительные результаты. В письменном столе Пеньковского обнаружили хитро сделанный тайник, из которого следователь изъясил шпионские принадлежности: записи Пеньковского с номерами телефонов иностранных разведчиков, шесть сигнальных открыток и инструкций к ним, донесения и экспонированные фотопленки. Здесь же были фиктивный паспорт, шесть шифровальных блокнотов, три фотоаппарата «Минокс» и описание их, два листа копировальной бумаги для написания тайнописного текста, записка с указанием радиоволн, на которых Пеньковский принимал инструктивные радиопередачи иностранных разведок, проект донесения Пеньковского в разведцентр, пятнадцать не экспонированных фотопленок к фотоаппарату «Минокс» в кассетах и инструкции иностранных разведок по фотографированию этим фотоаппаратом, а также инструкции по шифрованию и расшифрованию радиосообщений, по процедуре приема радиопередач из разведцентра, о подборе и использовании тайников.

Были изъяты и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств полученный Пеньковским от иностранных разведок радиоприемник «Сони», с помощью которого он принимал зашифрованные радиোগраммы из разведцентра, и пишущая машинка, на которой шпион печатал свои донесения.

Кроме этих вещественных доказательств при обыске на квартире Пеньковского было обнаружено неотправленное сообщение в разведцентр, в котором он, в частности, писал: «... Я не имел возможности передать на приемах подготовленные материалы, так как не смог уединиться... Несмотря на это, перед моей командировкой за границу в ноябре прошу Вас организовать прием, на котором я смог бы передать все подготовленные материалы, поскольку не хочу иметь их при себе во время полета...»

Английская и американская разведки рекомендовали Пеньковскому применять в его шпионской деятельности определенные меры предосторожности. Так, в пункте восьмом одной из инструкций говорилось: «Расклеивайте столько страниц блокнота, сколько вам нужно для зашифровки и расшифровки, но не больше. Когда страница блокнота, зашифрованная или расшифрованная, использована, сожгите ее... Храните ваши блокноты зашифрования и расшифрования в самом безопасном месте, какое только вы можете придумать. Эти места должны быть так выбраны, чтобы ваши посещения этих мест не возбуждали ничьих подозрений. Запасные блокноты и блокноты в употреблении должны храниться в разных местах».

Не помогли советы английской и американской разведок. Несмотря на хитрую конспирацию и на меры предосторожности, принятые шпионом, нам удалось получить все необходимые и неопровержимые доказательства гнусной деятельности изменника Родины Пеньковского.

Дело Пеньковского, к которому приступил старший следователь по особо важным делам, явилось еще одним зловещим напоминанием о грязной тайной войне, ведущейся империалистами против Советского государства на протяжении всей истории его существования.

На первом допросе, как этого и следовало ожидать, Пеньковский пытался играть роль рассерженного и обиженного человека. Он высокомерно пожимал плечами, возмущался:

– В чем дело? Я честный человек. Я никаких преступлений не совершал. Меня арестовали по ошибке.

Александр Васильевич спокойно выдержал натиск шпиона. Он не спешил показывать свои козыри, не мешал Пеньковскому играть свою невеселую роль. Задавая вопросы, Александр Васильевич наблюдал за выражением его лица, мимикой, интонацией голоса. Опытный следователь не однажды видел таких «артистов», знал их психологию, с чего они начинают и к чему приходят. Но этот, конечно, был с некоторыми особенностями. У него, казалось, не было никаких видимых причин продавать свою душу дьяволу, идти в услужение двум разведкам, предавать свой народ, свою Родину. Иной бросается в омут предательства от отчаяния, иной под давлением безысходных, как ему кажется, обстоятельств, третий из-за трусости, четвертый из желания заработать деньги... А этот?.. Ведь, кажется, все получил от государства: высокий пост, трехкомнатную квартиру в столице, хорошую зарплату. Чего же еще надо человеку?!

«Ну-ну, кривляйся, паясничай, а я все-таки хотел бы знать, что же побудило тебя стать предателем, какие чувства, мысли, мотивы вели тебя в эту бездну».

Так думал Александр Васильевич, человек скромный, честный, верный сын своей социалистической Отчизны.

«Ты, конечно, во всем признаешься, – рассуждал он про себя, глядя в плавающие белесые глаза Пеньковского, – но покуражься, если есть охота». И задавал ему вопросы, которые на первый взгляд не относились к делу, но помогали раскрыть внутренний мир преступника и, следовательно, понять природу преступления.

– Расскажите, как вы познакомились с генералом В.?

И следователю раскрылась картина, в которой были ярко выписаны два свойства человеческой души: с одной стороны, простодушная доверчивость, с другой – ловкость изощренного мошенника, карьериста, подонка, эксплуатирующего человеческие слабости.

Вот эта картина.

Командир артиллерийского полка майор Пеньковский в конце войны был легко ранен во время артобстрела и попал на излечение в госпиталь. По случайности в этом же госпитале лежал и генерал В. Пеньковский, узнав об этом, старался попасться на глаза генералу, завести с ним разговор. Но случай все не представлялся, а Пеньковского неожиданно для него выписали из госпиталя. Тогда он отважился на решительный шаг: облачившись в форму, зашел в палату к генералу и бойко отрапортовал:

– Командир артиллерийского полка майор Пеньковский. Представляюсь вам по случаю выздоровления и отбытия в часть.

Генералу наскучило лежать в госпитале, он обрадовался боевому офицеру-артиллеристу, тепло побеседовал с ним.

Прощаясь, Пеньковский спросил:

– Не будет ли, товарищ генерал, каких поручений?

Генерал подумал и сказал:

– Вы возвращаетесь в часть через Львов. Может быть, сумеете повидать там мою семью?

– С удовольствием, – обрадовался Пеньковский.

– Ну вот и прекрасно. Сейчас я напишу письмо, которое, пожалуйста, передайте жене.

Пеньковский, приехав во Львов, постарался сделать все, чтобы понравиться семье генерала. Жена генерала была в восторге от элегантного офицера, тепло поблагодарила его за письмо, привезенное от мужа.

Так Пеньковский на правах друга вошел в семью генерала В. После войны он частенько появлялся у него на квартире, старался как можно лучше выполнить любые поручения и просьбы, угодничал. Все это Пеньковский делал для того, чтобы успешно продвигаться по служебной лестнице, получать звания и т. д.

Чем глубже проникал Александр Васильевич в биографию шпиона, тем больше поражался благодушию, легковерию некоторых людей, работавших вместе с Пеньковским. Ведь чуть внимательнее присмотришься, вдумайся в поступки и поведение этого человека – и раскроется натура циника, подхалима, угодника и в то же время коварного негодяя, способного ради карьеры на любые подлости. Нет, не разобрались в этом человеке, не осмыслили природу его поступков. Некоторые сослуживцы принимали угодничество Пеньковского за доброту, отзывчивость, а карьеризм за преданность работе. Видимо, были и такие, которые, раскусив его натуру, предусмотрительно отворачивались: моя, мол, хата с краю.

Правда, один прямой, честный человек – у него Пеньковский в 1955–1956 годах был в подчинении – дал ему нелюбезную аттестацию: «...Мстительный и злобный человек, беспримерный карьерист, способный из-за карьеры на любую подлость».

Читая эту характеристику, Александр Васильевич невольно задумался: а как же его допустили на столь ответственный пост? Как доверили такому человеку секретные материалы, тайны государства?

Но вернемся к следствию. Мало-помалу оно подвигалось, и вскоре следователь дал понять Пеньковскому: нам многое известно, в наших руках тайник из письменного стола...

В один миг Пеньковский преобразился. Он обмяк, лицо вытянулось, глаза бесцельно блуждали, дыхание стало тяжелым. Куда только девались его развязные манеры, высокомерие.

– Игра проиграна, – чуть слышным голосом произнес он и, ссылаясь на плохое самочувствие, попросил следователя прервать допрос и дать ему подумать в одиночестве.

И хотя улики были налицо, Пеньковский долго всячески изворачивался, давал путаные показания. Только под давлением неопровержимых доказательств, предъявленных следователем, он наконец признал, что является шпионом и готов рассказать правду о совершенных преступлениях. Однако вопреки и этим заверениям еще продолжал юлить, о конкретных фактах предательства и шпионажа говорил сбивчиво, ссылаясь на плохую память. Но умение вести дело и огромное терпение Александра Васильевича, его неотразимая логика сделали свое: на одном из допросов Пеньковский сказал:

– Я много думал, преодолел боязнь ответственности за совершенное мною преступление и решил полностью рассказать обо всем...

Вот что показал Пеньковский.

Работая в Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ, он часто встречался с иностранцами, приезжавшими в Советский Союз в составе различных научно-технических делегаций. В декабре 1960 года познакомился с представителем ряда английских фирм Гревиллом Винном и установил с ним доверительные отношения.

Здесь мы сделаем некоторое отступление и расскажем об этом англичанине.

Винн был арестован 2 ноября 1962 года в Будапеште органами госбезопасности Венгерской Народной Республики. На следующий день, 3 ноября, в соответствии со статьей 54 Договора между СССР и ВНР «Об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» он был передан советским властям.

Что же из себя представляет Винн?

Винн Гревилл Мейнерд родился в 1919 году в семье инженера-конструктора в деревне Сент-Джордж графства Шропшир в Англии, жил в Лондоне, где получил высшее образование,

женат, на иждивении имеет жену и сына. Со временем он основал две компании, «Гревилл Винн лимитед» и «Мобайл экзебишенз лимитед».

На первом допросе в ответ на предложение следователя рассказать о своей шпионской деятельности против Советского государства Винн заявил:

– Я не понимаю, что вы подразумеваете под шпионской деятельностью? Что касается меня, то я к шпионажу не имею никакого отношения. Я являюсь коммерсантом, и никакие дела, кроме коммерческих, меня не интересуют.

В конце концов он дал показания о своих поездках в Советский Союз и о знакомстве с Пеньковским, но при этом категорически утверждал, что приезжал в нашу страну только по коммерческим делам и все встречи носили исключительно деловой характер. Правда, отвечая на вопросы, Винн сильно волновался и часто путался. Такое поведение он объяснил впоследствии тем, что опасался применения к нему мер физического воздействия. В этом сказались результаты лживой буржуазной пропаганды, которая старается внушить людям, будто в советских органах госбезопасности арестованных подвергают идеологической и физической обработке.

Так было на первых допросах. Позднее, припертый неопровержимыми доказательствами (отнюдь не мерами физического или психического воздействия), Винн заговорил... В течение десяти дней после ареста, как этого требует наш уголовно-процессуальный закон, ему было предъявлено обвинение в совершении особо опасного государственного преступления против СССР, предусмотренного статьей 65 Уголовного кодекса РСФСР (шпионаж), и он признал себя виновным.

На следствии и суде Винн показал, что в разведывательную деятельность он был втянут вследствие шантажа и угроз английских разведчиков.

– Весь смысл моей жизни и все мои помыслы были направлены на то, чтобы быть хорошим коммерсантом, заслужить похвалу своих фирм, – говорил Винн. И далее: – Разведчики шантажировали меня, угрожали расстроить бизнес. Передо мной была поставлена альтернатива – или работаешь с нами и твой бизнес не пострадает, или ты пеняй на себя. А что такое «пеняй на себя», я прекрасно понимал. Я страшно боялся, что английская разведка поднимет трубку и что-нибудь скажет обо мне в соответствующих местах. Я боялся, что весь мой бизнес рухнет.

В конце 1964 года английские газеты «Санди таймс» и «Санди телеграф» начали публиковать книгу Винна «Человек из Москвы», которая в 1967 году была издана в США. В ней Винн отвечает на вопрос, почему он стал главным связующим звеном между английской и американской разведками и Пеньковским. Как утверждает Винн, английская разведка считала, что постоянный агент в Советском Союзе для контактов с Пеньковским не годился. «Требовался совершенно новый человек, который мог бы передвигаться, не вызывая подозрений... Выбор со всей очевидностью падал на бизнесмена, преимущественно такого, который уже много путешествовал и приезд которого в Советский Союз был бы естественным делом».

Но вернемся к показаниям Пеньковского.

В очередной приезд Винна в Москву в апреле 1961 года Пеньковский посетил его в гостинице «Националь», рассказал ему о себе, о своей работе и предложил через него свои услуги английской разведке, попросив передать письмо ее представителям. Пеньковский сообщил Винну, что с аналогичным предложением он ранее обращался к американцам, но ответа от них не получил.

Винн предложил Пеньковскому написать свою автобиографию, изложить свои возможности по сбору шпионской информации. Пеньковский охотно выполнил предложение Винна и в день отъезда англичанина из Москвы, 12 апреля 1961 года, вручил ему пакет с этими бумагами.

Вскоре Пеньковский подготовил для английской разведки информацию, содержащую совершенно секретные данные. Упаковав эти документы в два пакета, Пеньковский 20 апреля 1961 года вылетел в командировку в Англию. В Лондонском аэропорту его встретил Винн, которому Пеньковский передал пакеты.

В тот же день вечером в одном из указанных Винном номеров гостиницы «Маунт Ройял» Пеньковский имел встречу с английскими разведчиками, назвавшимися Грилье и Майклом, и представителями американской разведки, которые представились как Александр и Ослаф. Он подробно рассказал разведчикам свою биографию и сообщил о своих возможностях по сбору интересующей их информации.

После этого был письменно оформлен акт вербовки, в котором Пеньковский написал обращение о предоставлении ему «в случае необходимости» английского подданства или гражданства США. На следующих встречах с английскими и американскими разведчиками в Лондоне он ознакомился с правилами обращения с фотоаппаратом «Минокс», порядком приема радиопередач из разведцентра с помощью транзисторного приемника, правилами пользования тайнописной копировальной бумагой, специальными блокнотами, предназначенными для зашифрования и расшифрования радиосообщений, а также изучил соответствующие инструкции.

4 мая 1961 года Пеньковский получил от разведчиков упакованные в два пакета фотоаппарат «Минокс», 20 фотопленок, транзисторный радиоприемник «Сони» японского производства, два шифровальных блокнота и записную книжку с тайнописной копировальной бумагой. Это шпионское снаряжение иностранные разведчики рекомендовали Пеньковскому хранить в специально оборудованном у себя дома тайнике. Было оговорено, что если Пеньковскому в будущем не удастся выехать в командировку в капиталистические страны, то дальнейшие инструкции ему будут передаваться через Винна, имеющего возможность посещать Советский Союз под видом бизнесмена. Александр и Грилье предупредили Пеньковского, что Винн уже в скором времени приедет в Москву и привезет от них письмо, а в случае необходимости ему будут переданы соответствующие указания по радио.

Тогда же Пеньковский был представлен одному из руководителей английской разведки и получил задание фотографировать секретные документы.

Возвратившись 6 мая 1961 года в Москву, Пеньковский приступил к выполнению заданий: сфотографировал на 20 пленках ряд секретных научно-технических материалов и 27 мая передал эти пленки, а также исполненное тайнописью письмо прибывшему в Москву Винну. В свою очередь англичанин передал Пеньковскому инструктивное письмо разведцентра и 30 фотопленок к аппарату «Минокс».

В июле 1961 года Пеньковский снова приехал в служебную командировку в Лондон, где передал Винну в пакетах 16 экспонированных фотопленок с секретными материалами научно-технического и иного характера.

За время пребывания в Англии с 18 июля по 8 августа 1961 года Пеньковский пять раз встречался с представителями английской и американской разведок: четыре раза на конспиративной квартире в Лондоне и один раз на конспиративной даче в предместье города. На этих встречах присутствовал еще один английский разведчик – Радж.

В первый же вечер Пеньковский рассказал о материалах, сфотографированных им на 20 фотопленках. Работа шпиона была одобрена, ему поручили и дальше фотографировать важные документы и изыскивать возможности фиксировать на пленку секретные материалы в других советских учреждениях. Пеньковский рассказал о прошлой своей работе в военных организациях и выдал ряд важных сведений, составляющих государственную тайну. Тут же ему сообщили, что американской разведкой подобран тайник № 1 в подъезде дома 5/6 по Пушкинской улице в Москве, и объяснили правила пользования им.

Через три-четыре дня состоялась вторая встреча Пеньковского с разведчиками, на которой он рассказал о материалах, сфотографированных им на 16 фотопленках и привезенных в Лондон. Разведчики заявили, что сфотографированные им документы являются для них весьма ценными.

Затем Пеньковский вновь дал разведчикам устную информацию по вопросам, составляющим государственную тайну. В этот вечер был составлен и план последующих встреч, на которых предусматривалось обучение Пеньковского работе на специальных шпионских радиопередатчиках, разбор вопросов по разведывательной подготовке и инструктаж.

На следующей встрече Пеньковский примерил специально сшитые для него военные мундиры со знаками различия полковника английской и американской армий и сфотографировался в них. Новые хозяева заверили его, что после окончания шпионской работы ему будет предоставлена ответственная должность в центральном разведывательном органе США или Англии (по его выбору) с окладом две тысячи долларов в месяц и с выплатой по тысяче долларов за каждый месяц предшествующей шпионской работы. Тогда же Пеньковский ознакомился с бланками необходимых документов, которые будут заполнены на его имя, как только он окажется на Западе и изъявит желание принять английское или американское подданство.

Шпион был вновь представлен высокопоставленному должностному лицу английской разведки. Затем Пеньковского принимали на конспиративной даче в окрестностях Лондона, ознакомили с устройством специальных радиопередатчиков дальнего и направленного действия, правилами работы на них.

На конспиративной квартире в Лондоне состоялась пятая встреча. Пеньковского познакомили с английской разведчицей Чизхолм Джанет-Анной, женой второго секретаря посольства Великобритании в Москве Р. Чизхолма, являвшегося одновременно сотрудником английской разведки и поддерживавшего шпионский контакт с Пеньковским через приезжавшего в Москву Винна.

Условились, что Пеньковский будет передавать Анне Чизхолм шпионские материалы и получать от нее инструктивные письма и фотопленки на конспиративных встречах в Москве, которые должны проходить в 16 часов по субботам в октябре и декабре 1961 года в районе Цветного бульвара и в 13 часов по пятницам в ноябре 1961 года на Арбате в районе антикварного магазина.

Во время пребывания в Лондоне Пеньковский получил задание особой важности: изыскать возможность сбора шпионской информации через знакомых ему офицеров Советской армии, в частности военнослужащих ракетных войск; собирать сведения о советских войсках, дислоцированных в ГДР, о подготовке заключения договора с ГДР, о развитии советско-китайских отношений и другую информацию политического, экономического и военного характера.

8 августа 1961 года шпион вернулся в Москву и сразу же приступил к выполнению заданий разведок. Он сфотографировал на 22 пленках секретные материалы, в том числе документы Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ. Вложил их в коробку конфет и передал Анне Чизхолм через ее ребенка при встрече на Цветном бульваре в Москве.

ВОПРОС СЛЕДОВАТЕЛЯ: Расскажите более подробно, как происходила передача.

ОТВЕТ ПЕНЬКОВСКОГО: В первых числах сентября в обусловленное время – 16 часов – я прибыл на Цветной бульвар, где Анна Чизхолм обычно гуляла с детьми. Это место мне было показано на плане Москвы. Я знал, что мне нужно идти в сторону Самотечной площади, там в сквере клумба и ящик с песком, в котором играют дети.

Здесь я увидел Анну, гуляющую с детьми. Я сел на скамейку, где сидели дети, один ребенок или двое, сейчас не помню, а один играл в песке. Я потрепал ребенка по щеке, погладил по голове и сказал: «Вот тебе конфеты, кушай». Анна все это видела.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Сколько лет на вид было ребенку?

ПЕНЬКОВСКИЙ: Дети были маленькие, примерно от 4 до 8 лет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Получается, что для маскировки шпионских связей использовались даже дети?

ПЕНЬКОВСКИЙ: Да, выходит, так.

20 сентября 1961 года в составе советской делегации Пеньковский прибыл в Париж и в аэропорту Ля Бурже передал Винну в пакете 15 фотопленок с заснятыми на них шпионскими материалами. В Париже Пеньковский возобновил встречи на конспиративных квартирах с представителями английской и американской разведок. Здесь он получил подробный инструктаж и новое задание, в частности, подобрать в Москве и подробно описать 8-10 тайников для безличной связи с разведчиками, устанавливать новые знакомства среди офицеров Советской Армии и сотрудников Госкомитета по координации научно-исследовательских работ, собирать сведения о ракетной технике.

Любопытны инструкции, полученные Пеньковским, по использованию тайника в подъезде одного из домов на Пушкинской улице. Перед закладкой материалов в тайник № 1 в подъезде дома 5/6 по Пушкинской улице в Москве шпион должен был поставить черную метку на столбе № 35 по Кутузовскому проспекту, затем заложить тайник, дважды позвонить по указанным двум телефонам и, услышав отзыв, повесить трубку. Эти сигналы означали, что находящиеся в Москве разведчики могут идти к тайнику и изъять из него шпионские материалы. В Париже Пеньковскому было объявлено, что по первому телефону абонентом будет Дэвисон, по второму – Джонс. Позже Пеньковский получил сообщение, что по второму телефону отзовется Монтгомери. Эти телефоны Пеньковский должен был использовать и в случае, если бы он оказался в затруднительном положении и не мог заложить тайник № 1. В случае неожиданно возникших препятствий ему было предложено поставить на столбе № 35 черный крест, а затем позвонить по тем же телефонам и трижды сильно подуть в трубку. Не надеясь на память, эти указания Пеньковский записал на отдельном листе бумаги, который был изъят при его аресте и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Как было установлено следствием, первый телефон находился в квартире номер 60 дома по Кутузовскому проспекту, в которой с мая 1961 года проживал помощник военно-воздушного атташе США Алексис Дэвисон. Другой телефон находился в квартире номер 66 того же дома, и проживал в ней второй секретарь американского посольства Вильямс Джонс, а с февраля 1962 года – атташе посольства США Хью Монтгомери.

Несколько забегаю вперед, скажу, что спустя несколько дней после ареста Пеньковского и его допросов, когда иностранные разведки еще ничего не знали о провале их агента, у столба № 35 появился помощник военно-воздушного атташе США А.Х. Дэвисон и осмотрел отметку, а через шесть часов в подъезд дома по Пушкинской улице зашел мужчина, который изъятию из тайника спичечную коробку. Тут же он был задержан и для выяснения личности доставлен в отделение милиции. Задержанным оказался сотрудник посольства США в Москве Р.К. Джекоб.

Выполняя задания английской и американской разведок, Пеньковский подготовил очередную партию шпионской информации, которую передал связнику иностранной разведки на конспиративной встрече в районе гостиницы «Балчуг».

4 июля 1962 года на приеме в доме американского посла в Москве по случаю Дня независимости США Пеньковский познакомился с сотрудником американского посольства Карлсоном, а затем на приеме у сотрудника посольства США Хорбели передал Карлсону семь фотопленок с секретными материалами и донесение. Тогда же Пеньковский получил от Карлсона пакет с фиктивным паспортом на случай перехода на нелегальное положение и инструктивное письмо разведцентра с новым заданием.

5 сентября 1962 года на приеме в посольстве США в Москве Пеньковский снова встретился с Карлсоном и имел при себе 4 экспонированные фотопленки и донесение, но передать их не смог. Также не смог он этого сделать и на следующий день, на приеме у английского торгового советника Сениора. Все эти шпионские документы были обнаружены в тайнике на квартире Пеньковского.

Вот что писал Пеньковский в этом донесении:

«Мои дорогие друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему... Вы пишете о возможности присылки радиопередатчика и приспособления к моему приемнику. Это очень ценные для меня вещи... Прошу прислать побыстрее приспособление к приемнику, так как это значительно упростит и облегчит мне приемы сообщений...»

И в конце донесения:

«...Если я поеду в командировку в США или другое место, то прошу вас организовать прием, на котором я передам все подготовленные материалы к командировке, так как я не хочу иметь наши материалы во время полетов к вам...

...Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собой.

Ваш друг.

5.9.62».

Не помогла Пеньковскому забота «дорогих друзей». 22 октября 1962 года советские чекисты положили конец всей этой тонко задуманной и тщательно разработанной шпионской операции.

Припертый к стене неопровержимыми доказательствами, Пеньковский полностью признал себя виновным и ответственным за самое тяжкое преступление – за измену Родине. Признал себя виновным и его связник Винн.

Однако за время своей шпионской деятельности Пеньковский нанес значительный вред нашему государству. В устной форме, письменных донесениях и фотопленках он сообщил английской и американской разведкам обширную информацию, которая, по заключению экспертов, в большинстве своем является секретной и совершенно секретной и составляет государственную и военную тайну Советского Союза.

Следствие по делу Пеньковского и его связника Винна было проведено нашими следователями безупречно. Они приложили немало сил и умения, чтобы докопаться до истоков совершенного преступления, установить все отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, вскрыть причины и условия, способствовавшие этому тягчайшему преступлению. Расследование этого дела проведено ими объективно, всесторонне, полно. При этом были соблюдены все требования уголовно-процессуального закона. По делу было допрошено много свидетелей, проведен ряд различных экспертиз и множество других следственных действий.

В мае 1963 года дело по обвинению Пеньковского и Винна рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании. На процессе присутствовали не только советские люди, но и многие иностранные журналисты. Процесс широко освещался в печати.

В течение пяти дней Военная коллегия со всей тщательностью проверяла и исследовала материалы дела. Как на следствии, так и на суде была показана гнусная роль Пеньковского и Винна. На суде Пеньковский продолжал играть роль человека, впавшего в тяжелое заблуждение, пытался разжалобить судей и спасти свою подлую жизнь. Но не только судьям, а и всем

присутствующим было совершенно ясно, что о каком-либо снисхождении к нему или смягчении меры наказания речи быть не может.

Государственный обвинитель – Главный военный прокурор А.Г. Горный в своей обвинительной речи заявил:

«Есть такие преступления, которые уже нельзя ничем искупить. Я не вижу в этом вопросе никакой альтернативы, никакого выбора. Предателю и шпиону, продавшему свое Отечество, нет места на земле, и я требую приговорить Пеньковского к смертной казни».

Эти слова генерала А.Г. Горного были встречены присутствующими на суде бурными аплодисментами.

11 мая 1963 года был оглашен приговор по этому делу. Военная коллегия приговорила Пеньковского к смертной казни, а Винна – к восьми годам лишения свободы, с отбыванием первых трех лет в тюрьме, а последующих лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Наряду с приговором Военная коллегия вынесла частное определение, в котором указала, что сотрудники посольства Великобритании в Москве А. Раусселл, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэлл, Р. Чизхолм, его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и сотрудники посольства США в Москве А. Дэвисон, Х. Монтгомери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб и В. Джонс, используя свое официальное положение, содействовали осужденным Пеньковскому и Винну в проведении шпионажа и, таким образом, занимались враждебной Советскому Союзу деятельностью, не совместимой с нормами международного права и статусом сотрудников дипломатического представительства.

В связи с этим Военная коллегия приняла решение: об этих фактах довести до сведения Министерства иностранных дел Союза ССР.

Это определение суда также было встречено аплодисментами присутствующих.

Министерство иностранных дел СССР заявило Великобритании и США протест по поводу незаконных действий указанных в частном определении Военной коллегии Верховного суда СССР сотрудников посольств, являющихся грубым нарушением норм поведения дипломатического персонала, объявило их персонами нон грата и потребовало немедленно покинуть нашу страну.

17 мая 1963 года в газете «Правда» было опубликовано сообщение:

«Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О.В., приговоренного Военной коллегией Верховного Суда СССР за измену Родине к смертной казни – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение».

Так позорно закончилась жизнь отступника, предавшего Родину, свой народ, своих друзей, свою семью.

Важное дело, задержавшее меня на службе, было окончено. Вот теперь, кажется, можно и пойти в отпуск. Через несколько дней я уже был в своем родном селе. Ходил по знакомым с детских лет полям и лесам, дышал наполненным ароматом весенних цветов и молодой листвы деревьев воздухом. На душе было легко и спокойно.

Под вечер односельчане заходили к нашему дому посидеть на бревне, покурить, узнать свежие московские новости. Из газет они хорошо знали о деле Пеньковского. Они, конечно, знали, что я – чекист, генерал, а потому частенько деликатно обращались ко мне с вопросами.

– А ты, Николай Федорыч, – начал однажды разговор наш сосед Никита Степанович Ступенков, – случаем, не видел этого негодяя – Пеньковского? Ума не приложу: и чего только ему не хватало? Как же это он, а?.. Рассказал бы ты нам.

Впечатления этого дела свежие, еще не успели остыть, все в памяти. Да и забудешь ли такое, тем более что к расследованию его имел прямое отношение. Приходилось неоднократно допрашивать вместе со следователями и Пеньковского, и Винна, и некоторых свидетелей. И я

рассказал собравшимся некоторые подробности дела. Мне было важно узнать, как они реагируют на сам факт преступления, на приговор, что думают простые советские люди об этом деле.

Я рассказал, что Пеньковский родился в 1919 году в трудовой семье. Воспитывался матерью. Перед войной окончил военное училище, стал офицером. Принимал участие в освобождении Западной Украины. Отечественную войну закончил командиром истребительно-противотанкового полка, имел пять орденов и восемь медалей. Последние два года работал заместителем начальника иностранного отдела управления внешних сношений Государственного комитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ. Имел жену и двух дочерей – одной семнадцать лет, другой едва исполнился год.

– Гляди, паскуда, семью опозорил! – прокомментировал Илья Бердников, колхозник средних лет. – Вон и в газетах пишут: преуспевал по службе, часто ездил за границу. Его и в посольствах принимали. Ты, Федорыч, нам скажи: что же его все-таки толкнуло? Может, оплели как-нибудь человека, опутали эти самые иностранные разведки? Может, на водочку был слаб? Известное дело, водка к добру не ведет. А то, может, сболтнул спьяну и влип. Воспользовались этим – и на крючок. Всякое бывает!

Другие его поддержали:

– И то верно: хорошую жизнь на хорошую не меняют, от добра добра не ищут. Ведь жил-то как – только птичьего молока не хватало.

Отвечать я не торопился. Во-первых, трудно объяснить несколькими словами причину столь ужасного нравственного падения, во-вторых, мне было интересно слушать суждения земляков. В коротких, хлестких выражениях, иногда не относящихся прямо к делу, они, сами того не замечая, давали свое объяснение, и в этих объяснениях слышалась их собственная философия, определялся их моральный кодекс – понятия о чести, долге и совести.

– Не перебивайте, мужики. Пусть Федорыч подробнее расскажет, – прервал дискуссию Никита Степанович.

Я рассказал односельчанам, что говорил сам Пеньковский о причинах измены Родине. Он сказал, что на скамью подсудимых его привели зависть, тщеславие, любовь к легкой жизни, связи со многими женщинами, моральный распад, вызванный частым употреблением спиртных напитков, – все эти родимые пятна, как их назвал Пеньковский, подтачивали его, он стал перерожденцем и предателем.

– Этот автопортрет верен, конечно, но не полон, – продолжал я. – Анализ жизненного пути Пеньковского, его поведение до начала преступной деятельности и в ее период свидетельствуют о том, что исключительный карьеризм, эгоизм и честолюбие проявились у Пеньковского задолго до совершения им преступления. Он был болезненно честолюбив и ненасытен в жажде чинов, денег, привилегий, постоянно стремился вращаться вокруг и около людей, имеющих власть и влияние, угождать им, а затем бахвалился своей близостью к власти имущим.

Свои связи с людьми он строил исходя только из корыстных и эгоистических соображений: полезен человек в продвижении по службе – можно с ним быть поближе, подарить ему заграничный сувенир, достать какую-нибудь вещь, помочь устроить сына или дочь в институт, «пробить» ордер на квартиру. Для достижения своих корыстных целей Пеньковский не гнушался никакими средствами. Припоминаю такой весьма интересный случай. Один начальник справлял свое шестидесятилетие. В кругу гостей был и Пеньковский, подаривший юбиляру бутылку французского коньяку, на этикетке которой значилась цифра 60. Пеньковский объяснил, что этот коньяк шестидесятилетней выдержки, что соответствует возрасту юбиляра.

Все, конечно, дивились «уникальному» подарку. Пили коньяк маленькими рюмочками, как дорогой бальзам, похваливали напиток и вместе с тем Пеньковского, преподнесшего такой «редкий» презент.

На допросе Пеньковский нам рассказал, что это был обыкновенный французский коньяк «Наполеон». На этикетку бутылки он сам наклеил цифру «60», вырезав ее из журнала «Огонек». На такие дела способен прохвост, человек, потерявший стыд и совесть.

Личные блага стали для Пеньковского выше интересов общества. И, безусловно, прав был адвокат К.Н.Апраксин, защищавший Пеньковского в суде, когда говорил:

«Привычка достигать успеха любым путем стала неотъемлемой чертой его характера. У Пеньковского в последнее время родилась уверенность в своей непогрешимости, и это увело его в сторону от общественных интересов. В результате мелкой, непринципиальной обиды на действия своих непосредственных руководителей, которые, по его мнению, препятствовали дальнейшему развитию его служебной карьеры, Пеньковский постепенно скатился к предательству Родины».

Для понимания психологии преступника Пеньковского важно иметь в виду: не вдруг возникли у него мысли о предательстве, зерна подлости созревали в нем постепенно.

С высокомерием и пренебрежением относился Пеньковский к людям, которые не были или не могли быть ему полезны. Но и тем своим приятелям, сослуживцам и начальникам, которые делали для него добро, он платил черной неблагодарностью и поносил их за глаза, а когда стал агентом империалистических разведок, передавал выуженные у них сведения, а также украденные из их столов фотокарточки.

Будучи женатым, Пеньковский постоянно изменял своей жене. Однажды он сказал ей, что отбывает в заграничную командировку, а на самом деле уехал со своей знакомой на курорт.

Пеньковский легко и без разбора вступал в связь с женщинами, был завсегдатаем многих московских ресторанов. Приходя же домой поздно вечером после кутежей, объяснял, что задержался на службе.

Несомненно, у него были задатки актера, он мог обмануть близких, произвести выгодное впечатление на собеседников. Особенно ему нравилось играть роль галантного кавалера. Был случай, когда в ресторане «Поплавок», находясь в компании своих собутыльников, Пеньковский в знак особенного преклонения перед своей знакомой Галей снял с ее ноги туфлю, налил в нее вина и выпил под одобрительный гогот собутыльников.

Он получал высокую зарплату, однако аппетиты его непомерно росли. Пеньковского в материальном отношении весьма прельщали заграничные командировки. Кстати, его неудовлетворенность служебным положением, озлобленность на окружающих как раз и были вызваны тем, что ему не предоставили место службы за границей. Словом, у него не было ничего святого и дорогого ни в семье, ни в обществе. Он постепенно созревал для предательства, оставалось лишь его подобрать, что и было сделано врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.